



Блаженный Иоанн — современный богослов. Основатель славяно-теогамической духовной школы (теогамия с греческого — «богосупружество»: сочетание узами человека со Всевышним).

Родился и вырос Блаженный в послевоенной Советской России. Живет за границей. Правдоискатель с мировым именем.

Максимализм его правдоискательства таков, что ни одну версию Блаженный Иоанн не принимает как окончательную, а в каждом очередном сочинении заново испытывает на прочность все то, что принимал ранее.

Я читаю очередное его сочинение. Оно называется: «Нелепости».

«Не лепо ли...» — в вашем искушенном сознании тотчас возникает хрестоматийное начало «Слова о полку Игореве»? Не спешите. Все будет осмыслено заново. С нуля.

Хотя какие там нули! Высшие культурные достижения наличной современности! Блаженный Иоанн держит в уме высшие точки!

«Ахмадулина тенью ходит по цветаевской Тарусе».

Или: «Эпитафия на А. А. Вознесенского. Миллион, миллион, миллион алых роз... Пока не замучает графоманский невроз, а к семидесяти семи пора на погост».

Вроде бы полное уважение к властителям умов недавней эпохи. К некоторым — даже лично-дружеское (поэт Николай Клюев назван «Коленькой»). А что-то мешает Блаженному принять этих свежих классиков безоговорочно. О той же

«Беллочке»: она — «курилка в ЦДЛ». А о Цветаевой? «Грязь ногами месить устаешь, как Цветаева в Елабуге...»

Может, к государственно-узаконным классикам больше почтения? Судите сами: «От широких штанов Маяковского несет туалетной хлопкой. На трибуне съезда КПСС рыдает Максим Горький».

Актриса Раневская — своя: «Фаиночка Георгиевна». Но рядом: «Когда-то в университетах водились Канты, Гегели, Шлегели, профессорскими пользовались привилегиями».

И Маркс помянут в таком же остроумно пренебрежительном тоне: «Я не Маркс, чтобы глаз положить на соседскую прибыль».

Есть что-то общее в том, как поминаются у Блаженного общепризнанные авторитеты. Ощущение такое, что они — не примеры взлета от «нулевого» уровня к звездам, а наоборот, уникальные нырки со звездного уровня куда-то вниз: к базисному фону, ко всеобщей неразличимости — к «нулевому» фундаменту бытия.

Этот «нулевой» фундамент — капитально важен в мирозерцании Блаженного Иоанна. Общепризнанных ненавидимых злодеев недавней истории он иногда поминает, но так стандартно-неопровержимо, что можно не цитировать. Не они определяют ход исторических событий (хотя принято думать, что они). А определяют этот ход, по убеждению Блаженного Иоанна, те безвестные миллионы, которые остаются за пределами внимания историков и вроде бы согласны

оставаться «в дураках», а между тем именно они держат общую ситуацию на мушке. И тональность их присутствия в текстах Блаженного — совсем не такая, какая оставлена Маяковскому и Горькому. Невидимо-неслышимо, но зловеще-прицельно:

Я совок пережил каким-то чудом.

*Не сгноили ни в психушке, ни в околотке,
хотя палили по мне из соседней будки
два снайпера прямой наводкой.*

От изначального прицела — это и есть «от нуля». От того, кто попадает в прицел, зависит общая ситуация.

Стрельба «из соседней будки» — не единственное занятие этих голубчиков. Есть и еще дела.

«На улицу вывалил бизнес с мурлом ихтиозавра. По переулкам старой Москвы ходить небезопасно — оберет как липку шпана, работающая под дагестанцев».

Насчет переулков, дорог и дорожек: асфальтные пустыри упираются в бездорожье. И при этом — Россия изъезжена вглубь и вширь!

Идеалы по отрезвлению сыплются, как пыль с книжной полки. Значит, полки остаются? Зачем? «Гениальный трактат оборачивается в вечности — словоблудием».

Человек разумный куда делся?

«Гомо сапиенс напоминает параллелепипед».

И что с ним делать? «Какие могут быть библейские заботы, если вместо гомо сапиенса придут роботы?»

«Будь она неладна, эта цивилизация — фалло-ихтио-техно-инферн-рацио».

На таком «нулевом» уровне «эта цивилизация» вызывает только одно чувство: ненависть.

Вся надежда на то, что возможно перерождение человечества на этом изначальном уровне. На уровне детских снов и младенческих молитв.

Что придет на смену?

Царство Добробоженьки. Водевствление. Вобогородицевление. Из чаши неисчерпаемой упоение. Всеумиление. Преупокоение.

Или, как удачнее всего формулирует Блаженный Иоанн, «доброе иномирие».

Путь к этому чаемому преображению неясен. Нынешний миропорядок чреват катастрофой. Преобразится ли природа человека на изначальном, «нулевом» уровне? Непонятно. Добро и зло в

умах перемешаны. На чем выстроится иномирие? «Асфальтная Европа воздвигнется»? Исключено! Ни Рим, ни Константинополь не помогут! Нынешний мегаполис тоже не годится: он погрузился в темное иномирие «под музыку церковно-славянской псалтыри»...

Новое, доброе, светлое иномирие должно возникнуть «от нуля» — на совершенно новых бытийных основах.

На кого же опереться? Тут тебе и опричники, и казаки... И еще садисты, маньяки, киллеры... Мифологическая древность перемежается с мудрецами Средних веков.

«Детишки балуются, строят в песочнице катарские замки». Они, кажется, милее всех. Хотя как угадать...

Каждый раз, готовясь уйти в очередной творческий затвор, Блаженный Иоанн заново пересматривает мировой интеллектуальный багаж в надежде отыскать путь к доброму иномирию...

«Начали с ортодоксального православия, и Божия Мать говорила как строгая параклитская игуменя. Прошли посвящение в богородичный католицизм, черпали из источников оригинального буддизма и ислама, соляной эллинской религии и кипарисовых ларцов Гипербореи... Сегодня осознаем себя как богомилы, наследники русских калик переходящих и европейских катаров, славим Добрых Отца и Мать под небом добрых созвездий... Но непредвзятый исследователь доподлинно установит, что дух учения остается прежним, несмотря на определенную эволюцию буквы. Дух последней правды, огненного подвижничества, совершенного девства, жертвенной любви к божеству в лице ближнего».

Блаженный Иоанн с надеждой оборачивается к слушателям: «Подобрили? Поумнели чуточек?»

И ответ подсказывает: «Лучше трижды дураком до святой нелепости, чем монашеский канон в монастырской крепости».

Нелепость — святая?

Или она — изначальная, неодолимая — вставшая на обложку книги «Нелепости»?

И то и другое. Русская душа окрашивает любое слово то в радужные, то в беспросветные тона. Мыслитель волен опираться на то, что ему ближе.

Напомню старинное русское присловье: *вражье лепко, а Божье крепко.*

